

Литературные салоны графини Синтии Кэмпбелл по традиции открывались субботним вечером, незадолго до званого ужина.

Сам ужин был назначен на половину восьмого. Согласно правилам хорошего тона, гостям следовало прибывать точно в срок: опоздание более чем на пятнадцать минут считалось верхом неприличия, впрочем, как и слишком раннее появление на пороге.

Около половины седьмого Линь Уцзю покинул стены тюрьмы. Отклонив предложенный издательством «Глория» экипаж, он решил пройти пешком.

В последнее время это стало его привычкой. Тело прежнего владельца было донельзя слабым, и Саймон резонно посоветовал юноше ежедневные прогулки для укрепления здоровья. К тому же личное знакомство с улицами Санн, возможность окунуться в гущу городской жизни и столкнуться с самыми разными типажам помогли Линю Уцзю собирать бесценный материал для творчества.

В ту пору в городе не существовало единых правил дорожного движения, не говоря уже о светофорах. Экипажи носились по мостовым как вздумается, и новости о несчастных случаях то и дело попадали в колонки происшествий. Даже само понятие «тротуар» только входило в обиход — путеводителям приходилось специально разъяснять приезжим, что это за приподнятая на несколько дюймов кромка дороги. В оживленных торговых кварталах начали устанавливать столбики, напоминающие пушечные ядра, чтобы хоть как-то отгородить пешеходов от потока транспорта.

Вечером свет газовых фонарей отчетливо выхватывал из мглы мириады крошечных частиц, кружащихся в тумане. Линь Уцзю прижал к лицу платок, соорудив подобие простейшего респиратора. Толку от такой фильтрации смога было немного, но это давало хоть какое-то психологическое утешение. И всё же время от времени он заходил в сухом кашле.

Этот платок, прижатый к носу, порой вызывал у него странное, мимолетное ощущение, будто он всё еще находится на Земле. Прохожие тоже кутались в шарфы, защищаясь от копоты; этот аксессуар стал в Санн предметом первой необходимости для любого, кто отваживался выйти из дома.

Проходя по Глостер-стрит, Линь Уцзю обнаружил, что путь прегражден: дорогу перекопали для очередной перекладки мостовой, и пешеходам приходилось идти в обход.

Улица и без того была узкой — не более двадцати метров в ширину, едва хватало места для трех разъезжающихся экипажей. Сейчас же на перекрестке образовался затор: огромная фура с винными бочками, общественный omnibus и ручная тележка торговца снедью застряли, не имея возможности развернуться. Извозчики осыпали друг друга бранью, а констебль тщетно пытался навести порядок.

Один из прохожих, шедший впереди юноши, возмущенно бросил полицейскому:

— Опять перекапываете! Да сколько можно?

— Каждые три дня одно и то же: кладут и ломают, ломают и кладут! — подхватил другой. — Когда проход откроете?

— Потерпите недели две, — буркнул полицейский. — Щебень и гранит не оправдали надежд. Первый после любого дождя превращается в грязное месиво, а на втором лошади то и дело ломают ноги из-за выбоин.

Линь Уцзю понимающе кивнул. На Земле он воспринимал асфальтовые дороги как нечто само собой разумеющееся, но здесь в полной мере осознал, насколько великим изобретением был этот материал.

— И чем же вы собираетесь мостить дорогу на этот раз? — полюбопытствовал он.

Юноша втайне надеялся, что это не деготь. Каменноугольную смолу когда-то широко использовали в строительстве, пока в конце двадцатого века её не запретили из-за вреда здоровью, заменив битумом.

Полицейский гордо усмехнулся:

— Деревом! — Он пустился в объяснения: — На фабриках изготовили деревянные блоки с потайными шипами. Их можно собрать на земле как конструктор, это чертовски экономит время. Поверхность будет ровной и упругой, со специальными желобами, чтобы копыта не скользили в сырость. А главное — шум от колес и подков станет в разы тише! Наконец-то на улицах воцарится покой!

Горожане пришли в восторг:

— Тот, кто это придумал — истинный гений!

— Слава богу! Неужели это последняя перестройка?

— Теперь можно будет спокойно ездить даже в ливень!

Линь Уцзю лишь молча взирал на это ликование. Наконец он негромко спросил:

— А не допускаете ли вы мысли, что дерево не только станет кормом для насекомых, но и сгниет в первую же осень?

Полицейский осекся. Горожане примолкли.

— ...А ведь в этом есть смысл, — прошептал кто-то.

— Предчувствую, что скоро Глостер-стрит снова перекроют.

— Беру свои слова назад! Тот, кто это предложил — редкостный болван! Какой идиот выдумал подобную чепуху?!

Полицейский угрюмо посмотрел вслед удаляющемуся черноволосому юноше:

— План подал один из депутатов, а парламент его утвердил.

Он и сам не сдержал ругательства:

— Олухи царя небесного... Вечно принимают решения, ткнув пальцем в небо. Глядят на мир, а понимают меньше, чем малый ребенок!

— Страшно подумать, что такие остолопы управляют страной, — пессимистично заметил прохожий. — У нации нет будущего.

Полицейский вздохнул и вернулся к своим обязанностям. Он был лишь маленьким винтиком в системе, чье мнение ничего не значило. Приказы парламента следовало исполнять, а любые возражения лишь сделали бы его мишенью для недовольства благородных господ.

***

Линь Уцзю уже свернул на Джордж-стрит. Крюк до Куин-стрит, где жила графиня, отнял лишние десять минут. Часы показывали шесть пятьдесят пять; следовало поторопиться.

Приложив все усилия, он добрался до места назначения ровно в семь двадцать пять. Перед особняком Кэмпбеллов уже выстроилась вереница роскошных экипажей. Линь Уцзю, судя по всему, был единственным, кто прибыл на вечер пешком.

Впрочем, сегодня он выглядел подобающе: на нём был официальный двубортный фрак и цилиндр, длинные волосы он аккуратно перехватил шелковой лентой, а в руке сжимал изящную трость — всё это было частью гардероба прежнего владельца тела, что сэкономило Линю немало средств.

Увы, содержание угольной пыли в воздухе превышало все нормы. За время пути его одежда покрылась тонким слоем белесого пепла.

Слуга у дверей с явным изумлением оглядел запыленного гостя. Лишь когда Линь Уцзю предъявил приглашение, лакей с выражением легкого, едва скрытого брезгливостью почтения впустил его внутрь.

Линь Уцзю вошел в зал, и его взору предстала хозяйка дома, окруженная толпой почитателей — графиня Синтия Кэмпбелл.

Она была хрупкой, почти прозрачной красоты: бледная кожа, влажные янтарные глаза, напоминающие очи лесного олененка, и каскад бронзово-золотистых кудрей у лица, подчеркивающий её мягкий, пленительный образ. Она беседовала с гостями вкрадчивым полусшепотом, а в её взгляде порой проскальзывала девичья печаль, мешающая угадать истинный возраст. Внешне она была идеальным воплощением того, что светское общество ценило в благородной даме.

Саймон, болтавший с приятелями, заметил юношу и поспешил к нему:

— Добрый вечер, Лэнс! Ох уж этот смог, верно? — По заведенному обычаю он сначала посетовал на погоду и лишь затем перешел к делу: — Идемте, я представлю вас госпоже графине.

— Саймон, ты серьезно хочешь подвести его к Синтии? — раздался чей-то резкий, сомневающийся голос.

Линь Уцзю обернулся на звук и увидел мужчину, который буквально сиял от обилия драгоценностей. На нём был вычурный вечерний костюм: шляпа, золотая булавка на галстук, брошь с огромным камнем на груди, жемчужные запонки и массивная цепочка от часов — всё это вызывающе блестело в свете люстр.

У незнакомца было длинное лицо с выступающим подбородком. Он оглядел Линя с нескрываемым пренебрежением:

— Саймон, где ты отыскал этого маленького бродяжку? Не стоит приводить к графине кого попало.

Взгляд редактора мгновенно похолодел.

— Позвольте представить, — сухо, но вежливо ответил он. — Это мистер Лэнс Кавендиш. Он наделен редким талантом, и наше издательство готовит к выпуску его новую книгу.

Затем Саймон повернулся к юноше:

— А это мистер Фитч Холтон. Он тоже писатель и один из почетных судей нашего литературного салона.

Графиня Кэмпбелл была страстно увлечена изящной словесностью и приглашала к себе лучших знатоков, благодаря чему её вечера славились на всю Империю Лайт. Салон регулярно составлял списки лучших новинок, которые публиковались в авторитетных газетах. Эти перечни, известные своей объективностью, служили для многих читателей надежным ориентиром.

Именно поэтому Саймон так настаивал на визите Линь Уцзю. Если дебют молодого автора получит одобрение корифеев, путь к сердцам (и кошелькам) публики будет открыт.

Услышав, что юноша тоже считает себя писателем, Холтон изменился в лице. В его глазах вспыхнула ярость.

— Саймон, ты шутишь? Сколько ему лет — двенадцать? Тринадцать? У него есть хоть одна изданная строчка? По какому праву он зовется писателем!

— Вы немного ошиблись, сэр, мне уже четырнадцать. И верно — мои работы еще не вышли в свет, — Линь Уцзю приподнял бровь и весело добавил: — Мистер... Холл, кажется? Какое из ваших великих творений мне стоит изучить, чтобы приобщиться к настоящему мастерству?

— Моя фамилия — Холтон! — вскипел тот. Его презрение стало почти осязаемым. — Не знать моих трудов... Какое невежество! И вы смеете претендовать на звание литератора!

Линь Уцзю сощурился, и уголки его губ поползли вверх в смиренной улыбке:

— Безусловно, вы правы. Я крайне малограмотен и очень нуждаюсь в советах столь почтенного наставника.

Холтон заметно смягчился. Он удовлетворенно вскинул подбородок:

— Что ж, по крайней мере, у тебя есть зачатки разума. — Он заговорил покровительственным тоном: — «Похороны Адама» — моя последняя книга. Распродана тиражом в десять тысяч экземпляров. Тебе стоит внимательно изучить мой стиль и технику повествования. Это принесет тебе неоценимую пользу. Считай это своим первым шагом к мечте стать писателем.

Линь Уцзю кивнул с самым серьезным видом:

— Слушаюсь, сэр. Ваше слово для меня закон.

Саймон стоял рядом, не скрывая изумления. Неужели это тот самый Лэнс Кавендиш? Куда делся его дерзкий нрав? Слова Холтона заделали даже редактора, и он уже придумывал, как замять скандал, но Линь повел себя на редкость кротко — почти подобострастно.

Когда Холтон, преисполненный достоинства, удалился, Саймон недовольно прошептал:

— Вам не стоило так перед ним унижаться. Холтон — судья, но салон графини славится своей честностью. Его личное мнение не решит исход дела.

— Что делать, когда на пути встречается дурак? — с усмешкой спросил Линь Уцзю. Не дожидаясь ответа, он наставительно произнес: — Нужно потакать ему и возносить его до небес. Пусть он безумствует, пока сам себя не погубит.

Несколько язвительных замечаний не могли его задеть. В больнице для душевнобольных он слышал вещи и похуже. По сравнению с теми беднягами, мистер Холтон, не использовавший ни одного бранного слова, был верхом изящества.

Саймон не нашел что ответить. Неужели этому юноше всего четырнадцать?!

— Пойдемте же, вы обещали представить меня хозяйке.

Линь Уцзю сделал несколько шагов и остановился, глядя на застывшего редактора. Тот опомнился и быстро повел его сквозь толпу. Шепнув несколько слов на ухо графине Синтии, Саймон отступил. Она повернула голову и безошибочно нашла Линя взглядом.

— Дитя мое, подойди ближе.

Десятки любопытных глаз устремились на юношу. Он спокойно прошел сквозь расступившуюся толпу и, согласно этикету, склонился перед графиней в безупречном поклоне, коснувшись губами её руки.

— Добрый вечер, графиня Кэмпбелл. Для меня огромная честь познакомиться с вами. Я Лэнс Кавендиш.

— Наконец-то я вижу тебя. Саймон еще никогда не отзывался о ком-то с таким восторгом.

Синтия улыбнулась и, не выпуская руки юноши, официально представила новую звезду собравшимся:

— Господа, позвольте представить вам юного гения. Ему всего четырнадцать, но его дебютный труд уже покорило мое сердце. Уверена, в будущем он покорило сердца миллионов читателей.

Под ошеломленным взглядом Холтона графиня с нескрываемой гордостью добавила:

— Его зовут Лэнс Кавендиш. Не желаете ли ознакомиться с его книгой «Месть Джека»?

Уверю вас, вы не будете разочарованы.

Линь Уцзю искренне улыбнулся:

— Помилуйте, госпожа графиня, вы слишком добры ко мне. Мне еще далеко до высот, которых достиг мистер Холтон в своих «Похоронах Адама». Надеюсь, почтенная публика укажет мне на мои промахи в сравнении с его шедевром. Только так я смогу сделать первый шаг к своей мечте.

Холтон важно поправил галстук и откашлялся, бросив на юношу взгляд, который ясно говорил: «А ты смысленный малый».

Редактор лишь молча покачал головой.

<http://bllate.org/book/15857/1440352>